

ВРЕМЯ ВОЙНЫ: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ И ПЕРЕЖИВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛАХ ПИСЕМ И ВОСПОМИНАНИЙ ФРОНТОВИКОВ)*

КРИНКО Е. Ф.
ТАЖИДИНОВА И. Г.

WARTIME: PERCEPTION
AND EXPERIENCE
PECULIARITIES (SOLDIERS'
RECOLLECTIONS
AND LETTERS BASED)

KRINKO E. F., TAJIDINOVA I. G.

В статье на основе писем и воспоминаний рассматриваются особенности восприятия и переживания времени участниками Великой Отечественной войны. Дана характеристика представлений фронтовиков о времени как определенной данности, его сущности и структуре, способах измерения и самой жизни человека.

The article, basing on letters and recollections concerns World War II participants' perception and experience peculiarities, characterizes soldiers' ideas of time entity, essence and structure, its measurement and the person's life itself.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, восприятие и переживание времени, воспоминания, письма с фронта, дневники военного времени, фронтовое поколение.

Keywords: World War II, time perception and experience, recollections.

УДК 94(47).084.8

Время как определенная длительность и последовательность событий регулирует все сферы человеческой деятельности. В классической науке время рассматривалось как универсальная и абсолютная форма бытия, существующая объективно, независимо от воли и сознания человечества. В XX в. возникли представления об относительности времени, его зависимости от восприятия человеком. Будучи членом определенного общества, человек переживает и осознает время в особых культурно-исторических знаках и символах. Поэтому в разных культурах складывались различные представления о времени.

Физиологической основой восприятия времени выступает ритмическая смена возбуждения и торможения в больших полушариях головного мозга. Социальное освоение времени представляет собой выработку в обществе соответствующих тем или иным условиям методов его измерения, формирование темпоральных представлений, адекватных происходящим политическим, экономическим и социокультурным процессам. Социальная, культурная и историческая детерминированность времени вызывает значительный интерес современной гуманитарной науки. Постепенно историки обращаются к особенностям восприятия и переживания времени в различные периоды истории, поскольку оно выступает основой для определения человеком своего места в мире. Без изучения представлений о времени невозможно понять особенности мировоззрения людей той или иной эпохи, раскрыть внутренние механизмы, регулировавшие их поведение.

В данной связи достаточно показательны особенности восприятия и переживания времени участниками Великой Отечественной войны. Война сформировала особый мир человеческих взаимоотношений и представлений, свою мифологию и иерархию, нормы, ценности и стереотипы, свои церемонии, ритуалы и символы

* Исследование выполнено в рамках проекта «Повседневный мир советского человека: стратегии выживания и механизмы адаптации в условиях социальных трансформаций 1920–1940-х гг.» Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

с придаваемыми им специфическими значениями. Наложила свой отпечаток война и на особенности ориентации человека во времени, его восприятия последовательности происходивших событий. Анализ восприятия и переживания времени участниками Великой Отечественной войны предполагает характеристику их представлений о времени как определенной данности, его сущности и структуры, способов и параметров измерения, а также темпоральных свойствах различных процессов и самой жизни человека.

Практически единственной работой, в которой была обоснована необходимость анализа восприятия времени участниками Великой Отечественной войны, стала статья известного российского историка Е. С. Сениявской [1]. Представляют определенный интерес и отдельные положения статьи Л. В. Жуковой, написанной на материалах Русско-японской войны 1904—1905 гг. [2]. В целом же ее разработку следует признать недостаточной, не позволяющей создать полной картины представлений о том, как воспринимали время участники Великой Отечественной войны.

Основой для изучения рассматриваемой проблемы выступают различные источники личного происхождения: письма, дневники, воспоминания, а также устные рассказы очевидцев событий военных лет. В свое время они не раз подвергались критике за присущий им субъективизм, поскольку информация в указанных источниках пропущена через личный опыт авторов. Однако в данном случае это качество может считаться скорее их достоинством, чем недостатком, поскольку предоставляет определенные возможности для понимания особенностей восприятия и переживания времени участниками войны.

Начало войны кардинально изменило ориентацию человека во времени, превратив довоенную жизнь в прошлое, ставшее предметом ностальгических переживаний: «Что может быть роднее воспоминаний о прошлом для человека, шаг за шагом освобождающего свою землю от проклятых врагов? Представь себе хмурое небо, мелкий дождь, злой посвист ветра, степь, траншею, в которой я нахожусь, и тебе станет ясно, почему я так любовно говорю о прошлом» [3]. По словам другого участника войны, фронтовая жизнь «все перевернула в памяти, и чередой, как в калей-

доскопе, проходит все прожитое и когда-то уже забытое» [4].

Тем не менее, прошлое постепенно, но неуклонно отдалялось. Как писал об этом ощущение гвардии старшина Валентин Сырцылин, в довоенное время прожита была «целая вечность», но происходило это когда-то «очень давно, примерно в прошлом веке» [5]. Оторванность от прежней жизни проявлялась в том, что ее картины в письмах с фронта оказываются достаточно редкими либо размытыми. Память стирала детали быта, пугались даты знаменательных личных и семейных событий. Подобные явления были также связаны с потрясениями и травмами военного времени. В. Сырцылин, например, не раз жаловался на тяжелую контузию, мешавшую вспомнить прошлое во всех подробностях. Кроме того, сама яркость впечатлений и переживаний военного времени казалась несопоставимой с опытом довоенной жизни, заслоняла его.

На всем протяжении войны огромное значение для фронтовиков имела связь с домом, синхронизация событий своей жизни с перипетиями судеб родных людей. Несомненно, главным фактором такой синхронизации выступало письменное общение. Ведение переписки было также направлено на систематизацию событий фронтовой жизни, выстраивание более или менее их строгой хронологии. Однако серьезными помехами этому становились условия военного времени и неудовлетворительная работа почтовой службы. Последнюю критиковали многие. Татарский писатель Ибрагим Гази, ставший в годы войны корреспондентом фронтовой газеты, характеризовал ситуацию с доставкой писем коротко: «Просто позор!» [6]. Генерал П. Л. Печерица сдерживался еще меньше, особенно когда «в один прием» получил сразу 26 писем от родственников и друзей: «До чертиков злой на наркомпочтеля и наши П.П.С. Ведь вот же сволочи — ухитриться ведь нужно — за 2½ месяца письма доставить в один день». Только от жены в тот раз Печерица получил 10 писем и 7 открыток, и, естественно, «прочитал все сразу залпом, не соблюдая хронологии!» [7].

Письма доставлялись нерегулярно, часто пропадали, и чтобы не терять ориентации, фронтовики старались отвечать на них «своевременно» либо с определенной периодичностью (например, раз в неделю). Однако вынужденные общаться

«вслепую» (сомневаясь в получении писем родными, не получая ответов), они повторялись, возвращались к написанному в предыдущих письмах, часто теряли нить последовательности событий. Образовывался определенный разрыв между тем, что происходило в настоящий момент, было актуально в действительности, и тем, когда об этом узнавали близкие люди. Учитывая, что речь могла идти о жизненно важных ситуациях (состояние здоровья, ранение и излечение, переезд и изменения в службе), «временной зазор» многое значил для личных взаимоотношений, порой был судьбоносным.

Впоследствии фронтовики стали производить собственный расчет времени, предполагая, когда именно произойдет то или иное событие. Апрельское письмо И. Гази к жене сообщало: «Скоро пришлю Вам деньги... К осени получите» [8]. Таким образом, «скоро» согласно данному расчету означало ожидание сроком в 4—5 месяцев.

Особенно скрупулезно высчитывалась скорость «хождения» писем. В. Сырцылин, получивший первое письмо от жены более чем через год фронтовой жизни, к весне 1943 г. опытным путем вычислил, что письма приходят «аккуратно на 22—24 день» [9]. И все-таки довести расчеты до совершенства было невозможно. Это вызывало нервозность и непонимание во взаимоотношениях с близкими и родными. Впрочем, временные подвижки в доставке писем иногда создавали неожиданный терапевтический эффект. В октябре 1943 г. И. Гази сообщил жене: «Сейчас только получил твое письмо, написанное 31/08. Письмо грустное, и если бы я не получил твое письмо от 3/09, мне тоже стало бы грустно. Письмо от 3/09, сравнительно веселое, получил я уже давно и потому последнее (от 31/08) не навело большой грусти» [10].

Постоянное перемещение войск создавало не только пространственный «разрыв» между фронтом и тылом, но и временной. Видимо, ощущая его, И. Гази сообщал в Казань: «У нас еще очень тепло, сухо, а у вас уже дожди, слякоть и черная грязь. Вот снова подвинемся вперед, и зима нас так никогда и не догонит» [11]. Присутствие этого своеобразного «догоняющего» мотива в сознании фронтовиков подтверждается и другими примерами: «Письма твои никогда не попадут ко мне, ибо им за мной не угнаться» [12].

Главным мерилom времени на фронте стала сама жизнь человека. У представителей разных воинских профессий и специальностей объективно существовали различные возможности выживания, исходя из выполнявшихся военных функций. Самые большие и быстрые потери нес рядовой и младший командный состав в пехоте, находившийся на самой передовой. К. М. Симонов отмечал, что «лейтенантская жизнь в дни наступлений недолгая — в среднем от ввода в бой и до ранения или смерти девять суток на брата» [13]. Чтобы пополнить убыль младших офицеров, советское руководство перешло на ускоренную подготовку курсантов пехотных училищ: по укороченной программе она составляла всего 3—4 месяца. Еще меньше длилась «среднестатистическая» жизнь рядового красноармейца, что хорошо осознавали сами участники войны: «Я жив, а через секунду может быть убит, потому что здесь жизнь секундная» [14]. Убыль личного состава в специализированных войсках, а также в среднем и старшем командном составе, особенно в начале войны, также была существенной, но не такой огромной, как в пехоте.

Война придала новое измерение и новое понимание смыслу и содержанию человеческой жизни. Обращаясь к судьбе своей фронтовой подруги, погибшей в возрасте неполных 20 лет, О. Т. Голубева-Терес отмечает: «Расстояние от рождения до смерти, однако, не измеряется годами. Оно измеряется тем, что сделал человек, как он жил. И все-таки, с каким жестоким ускорением прошла эта жизнь! Прошла. Завершена. И не могло быть иначе. Надо было идти дорогами войны. И кто-то, сраженный, должен был упасть на родную землю. Иначе нельзя было победить. Это была безжалостная война» [15].

18-летний Юрий Романенко, не успевший окончить Грозненское военнопехотное училище (оно было переведено в Баку, затем весь состав досрочно отправили в действующую гвардейскую часть), сообщал отцу во втором письме с передовой: «Многие мои товарищи убиты и многие уже ранены. Меня два раза задело осколками, но все обошлось благополучно. Ранения маленькие и я из строя не выбываю... Эх, милый папа, если останусь жив многое тебе расскажу. Да и навряд ли буду жив...» [16]. Спустя три месяца после

отправки этого письма Юрий Романенко погиб.

Осознание новой темпоральности происходивших событий в годы Великой Отечественной войны кардинально меняло отношение человека ко времени. Так, перед войной срок службы рядового и младшего начальствующего состава сухопутных частей Рабоче-Крестьянской Красной Армии и внутренних войск был установлен в два и три года соответственно, для Военно-Воздушных Сил — в четыре года, для кораблей и частей Рабоче-Крестьянского Военно-Морского Флота — пять лет. Бойцы и младшие командиры срочной службы, у которых подходил к завершению ее срок, нередко подсчитывали оставшиеся им дни и недели до увольнения в запас: одни собирались продолжить учебу, другие — устроиться на работу, третьи — продолжить службу в армии, авиации или на флоте. Война лишила всякого смысла данные подсчеты: если человеку удавалось выжить и не погибнуть на фронте, срок его возвращения домой определялся общим для всех условием независимо от времени начала службы: достижением победы над врагом или тяжелым ранением. «Скоротечность» фронтовой жизни порождала желание ничего не откладывать до завтрашнего дня: «Было суматошно, непонятно и хорошо. Все, что имели, делили по-братски, и никому не приходило в голову составлять далеко идущие планы, рассчитывать свою жизнь или свои отношения с людьми, хотя бы на неделю вперед. Все начиналось сегодня и кончалось завтра» [17].

В начальный период войны разлуку с близкими еще отмеряли месяцами. Позднее счет пошел на годы. П. Зезеткин констатировал в письме домой: «3 года без меня празднуете Новый год» [18]. Ф. Алексанкин сокрушался в письме матери и брату: «Уже больше 2-х лет, как я с Вами растаял. Мы сильно изменились, все надоело — проклятая война» [19]. И. Гази писал в конце 1943 г. жене и сыну: «Вот уже год, как меня нет дома. Пройдет еще год, и я буду снова дома» [20]. В последнем случае очевидно стремление автора обозначить конечность настоящих событий, исключить («вырезать») их из нормального повествования собственной жизни.

Изменилось на войне и представление о личном возрасте ее участников. Основную массу участников Великой Отечественной войны составляли преимущественно мо-

лодые люди. Большинство бойцов, принявших на себя первый удар противника, находились в возрасте 18—23 лет, командиры взводов, недавние выпускники военных училищ, были, как правило, ненамного старше их. Однако и среди старших командиров, даже генералов насчитывалось немало молодых людей: их быстрому продвижению по службе способствовали массовые репрессии командного состава в предвоенные годы.

По мобилизации на фронт прибыли представители старших возрастов, 30- и 40-летние бойцы и командиры запаса, казавшиеся другим участникам войны, в силу их собственной молодости, пожилыми людьми. В своем дневнике 25-летний К. М. Симонов охарактеризовал 39-летнего бригадного комиссара И. В. Воронова, комиссара 61-го стрелкового корпуса, как уже «немолодого» человека. 52-летнего комбрига Н. И. Кончица его более молодой 39-летний командарм К. И. Ракутин откровенно называл стариком [21]. Между тем разница и в том, и в другом случае составляла менее 15 лет.

По словам писателя-фронтовика В. Кондратьева, старшие бойцы и командиры «воевали умелее, трезвее, поперед батьки в пекло не лезли, удерживая и нас, юнцов, потому что более нас понимали цену жизни» [22]. В то же время «стариком» на фронте мог считаться и просто тот, чей боевой опыт был большим. Различия между биологическим и социальным возрастом закрепило название известного кинофильма «В бой идут одни «старики»».

Прошедшие войну, особенно побывавшие на передовой, люди неимоверно быстро выросли, становились значительно старше своего биологического возраста. Поэтому В. И. Кочетова с полным основанием могла сказать о том, что она и ее фронтовые подруги «теперь не 18—19-летние девушки, а умудренные опытом пожилые люди» [23]. Слишком сильным потрясением оказались для них полученные впечатления, слишком тяжелым для многих из них стал опыт социализации военного времени.

Большинству людей присуща определенная повторяемость, цикличность и ритмичность событий их повседневной жизни. Поведение военного человека, без значительных изменений перешедшего из Красной Армии в Советскую, а затем и в Вооруженные силы России в мирное

время всегда строго регламентировано требованиями воинских уставов, порядком дня. Подъем личного состава обычно осуществлялся в 6:00, а по воскресным и праздничным дням в 7:00, затем следовала зарядка, утренний туалет, уборка постелей, завтрак. Строем и с песней воинские подразделения маршировали на прием пищи в столовую и обратно в казарму. До и после обеда военнослужащие срочного состава находились, как правило, на занятиях по строевой, тактической, огневой, физической, политической и специальной подготовке, а также обслуживали военную технику. После ужина выделялось свободное время для самоподготовки, чистки оружия, приведения в порядок обмундирования, затем следовала вечерняя поверка, прогулка строем и в 22:00 — отбой ко сну.

Однако на передовой распорядок дня не соблюдался: «Время суток на фронте — понятие весьма относительное. Не часовая стрелка определяла время сна и бодрствования. Не существовало и дней недели. Регламент жизни диктовала военная обстановка. Порой сутки казались неделей, а иногда исчезали напрочь в нескончаемом сне после многодневного боя. Помню лишь, что в период больших наступательных операций мы не раздевались по много дней кряду» [24]. Такой жесткий ритм переживался по-разному. С предельным напряжением: «Я стал злой и нервный, пью водку, т. к. нет отдыха, все время наступаем» [25]. Или, наоборот, эмоции притуплялись: «Здоровье хорошее, обут, одет, питание хорошее, все время наступаем. Бывает хорошо и плохо. Погода выпал снег идет сегодня дождь» [26].

Экстремальная ситуация часто измерялась именно количеством времени, проведенного в необычных, тяжелых, опасных условиях. Это прежде всего относится к обстановке боя, который мог продолжаться не один день. Как описывал В. Сырцылин: «Прямо с большого марша попал в бой, четыре дня почти не спал, не ел, не умывался и ходил как черт из пекла». В его личном боевом опыте также выделяются 8 дней, которые он провел один в окружении, 5 суток, когда он «не снимал лыж и спал стоя», 96 часов на 30-градусном морозе без горячей пищи и сна [27].

Выполнение воинского долга требовало гигантского напряжения всех физических и моральных сил. Сон на передовой край-

не редко продолжался «уставных» 8 часов: он мог длиться и несколько часов, и несколько минут — столько, сколько в реальности позволяла боевая обстановка. Поэтому, когда наступали часы отдыха, бойцы и командиры могли спать в любых условиях — сидя, стоя, на ходу. Для представителей отдельных воинских профессий ночь как время отдыха и день как время бодрствования вообще менялись местами. Например, экипажам ночного бомбардировщика У-2 летать приходилось преимущественно ночью: в силу технических особенностей их «небесных тихоходов» и характера выполнявшихся военных задач.

Как правило, ночью приходилось действовать и разведчикам. На передовые позиции стрелковых и артиллерийских подразделений горячую пищу также привозили один, в лучшем случае два раза, в сутки, нередко ночью, чтобы не попасть под артиллерийский обстрел противника. Участник Сталинградской битвы Н. А. Тупыленко вспоминал: «Раз в сутки давали горячую пищу, и то ночью подвозили. Килограмм или девятьсот грамм хлеба дадут, каши котелок или полкотелка. Больше ничего — ни обедов, ни завтраков» [28].

В распорядке дня экипажа подводной лодки, выполнявшей боевые задачи, официально закреплялась смена дня и ночи. Самыми «рабочими» для подводников являлись ночные часы, когда лодка всплывала на поверхность для зарядки аккумуляторов и становилась наиболее уязвимой для противника. Поэтому во время плавания завтрак начинался в 18.00, обед — в полночь, а ужин — в 6:00 [29].

В то же время противник предпочитал воевать днем, и ночные часы многими использовались для написания писем. Хотя письма домой писались и прямо с поля боя (строки о том, что «пули свистят» и «орудия грохочут» в большинстве случаев не были бравадой, а отражали реальную ситуацию), однако в основном бойцы дожидались более-менее спокойной обстановки. Нередко поступались необходимым сном ради того, чтобы поддержать родных. «Сейчас пришли на отдых, и я жертвую своим часом сна, хотя не спал уже более четырех суток, чтобы набросать вам несколько слов и дать знать о себе!», — писал танкист Ф. Алексанкин матери и брату [30].

Воспоминания и письма советских военнослужащих отражают особенности восприятия различных времен года — зимы, весны, лета и осени — в тесной взаимосвязи со спецификой выполнения ими тех или иных задач, развития событий на фронте. В течение первых лет войны войска вермахта обычно наступали летом, а советские войска переходили в контрнаступление зимой. Советским солдатам и командирам, особенно городским жителям также приходилось нелегко зимой в полевых условиях, но вермахт оказался еще менее подготовлен к русским морозам. Предвидя это, москвич Л. А. Финкельштейн писал своим бывшим однокурсникам в конце сентября 1941 г.: «Воевать зимой будет весьма паршиво, но немцам еще хуже, что радуется» [31].

Однако затянувшаяся война обостряла разлуку с близкими, и последующие зимы в эмоциональном плане воспринимались все более тягостно. «Переживаю третью одинокую зиму. Холодно на улице и на сердце», — делился с женой В. Сырцылин. Весна вызывала романтические чувства: «Ты часто бываешь со мной в тихие бархатные апрельские вечера...» [32]. С весенним временем, как правило, ассоциировались надежды, острое желание жить. Танкист Ф. Алексанкин, находившийся в госпитале после тяжелого ранения, так выразил это настроение: «Сейчас весна и под щебет птиц, благоуханье цветов умирать неохота» [33]. Возвращение с войны также виделось в декорациях определенного времени года: «Я иногда представляю, что это будет весенний день, то кажется осенний...» [34]. Нередко времена года обозначались в письмах через желанные, связанные с мирной жизнью, образы: «У нас поспели абрикосы» (Гази в июле 1943 г.) [35], «У вас уже весна настоящая, скоро цветы зацветут. Хорошо. Давно не видел, как цветут сады, как они пахнут» (Сырцылин в марте 1945 г.), «Думаю к яблокам быть дома» (Сырцылин в июне 1945 г.) [36].

Считается, что положительные эмоции создают иллюзию быстрого течения времени, отрицательные, напротив, несколько растягивают временные интервалы. Поэтому временные промежутки, заполненные интересной и глубоко мотивированной деятельностью, кажутся короче, чем те, которые были проведены в бездействии. Однако в воспоминаниях, зафиксированных через десятилетия по окончании

войны, соотношение может приобретать обратный характер: время, проведенное в безделье и скуке, кажется короче, а напряженные моменты — длиннее. Так, командир санитарного взвода К. В. Бирюлькина вспоминает о том, как отправлялась на задание: «Ползешь вместе с разведчиками до определенного места, а там они уходят, а ты лежишь и ждешь их. Минуты кажутся вечностью, не говоря о часах» [37]. С другой стороны, В. Д. Трещев писал домой после своего ранения: «Время идет так быстро, что не замечаешь, как проходят дни. Кажется, совсем недавно я был ранен, а уже более месяца прошло с того времени и уже более полмесяца (20 дней), как я в Сочи» [38].

Особенно кардинально менялись представления человека о времени в бою. В. Гроссман отмечал, что в бою искажались первичные ощущения, секунды растягивались, а часы сплющивались, поэтому отдельные молниеносные события — свист падающих снарядов и бомб, вспышки выстрелов — казались длительными. Напротив, движение по вспаханному полю под огнем, от укрытия к укрытию представлялось кратким, хотя и занимало немало времени. А рукопашный бой вообще происходил вне времени, в нем деформировались «и сумма, и каждое слагаемое» [39]. По словам еще одной участницы войны, Б. И. Эпштейн, это «свойство человеческой памяти: через расстояния многих лет одни события и детали укрупнять, другие — уменьшать» [40].

Впрочем, сам бой составлял, как правило, лишь около 1 % времени пребывания человека на фронте. Остальные 99 % занимали «формирования, переезды, жизнь на спокойных участках фронтов, лагеря, лазареты и прочие будни войны. В общем, серое существование, и для большинства еще более бедное, чем обычная наша жизнь» [41]. Однообразие переживаемых эмоций создавало впечатления тягостной будничности происходящего: «Уж очень нудно и однообразно тянется время» [42].

Выход из полосы боев и отдых совершенно не означал «24 часов свободного времени в сутки». Приводилось в порядок оружие, читались газеты, ремонтировалась и стиралась одежда. «Хозяйственный день» мог протекать примерно так: «...вымылся сам, постирал белье, воротнички, полотенца; пришел везде покрепче пуговицы и крючки, утеплить варежки, поштопал теплые носки...» [43]. С одной

стороны, такие периоды тяготили скукой и однообразием, вызывали тоску по дому. С другой, в это время проявлялась тяга к творчеству, организовывались самодеятельные постановки. Пожалуй, можно говорить о появлении некоторых «объемов» свободного времени, которыми человек не всегда располагал в своей мирной жизни. Поневоле свободный от домашних (семейные, бытовые) забот, боец мог более или менее произвольно тратить свое личное время, в том числе на чтение или литературные опыты. В военные годы широкое распространение получила практика отправки фронтовиками своих произведений (стихи, очерки, рассказы) в газеты разного уровня. Эта «литературная страсть» обуревала как рядовых участников войны, так и военачальников, казалось бы, вполне реализовавшихся в своей профессиональной деятельности.

Как особенное выделялось время пребывания в госпиталях или на учебе. Эти периоды контрастировали с фронтовой жизнью, которая описывалась обычно как «бессонные» ночи и «тревожные», «горячие», «кошмарнейшие» дни. В госпитале «ухо отвыкало от фронта», появлялось время спать, читать, размышлять о настоящем и будущем. Так произошло, например, с В. Сырцылиным в казанском госпитале: «Лежу целыми днями, времени тьма свободного и можно думать и делать свои выводы. Эти 8 месяцев для меня не прошли даром...» [44]. Находившийся на излечении В. Баранов писал любимой девушке: «Дни идут лениво, и все, как две капли воды, похожи друг на друга. Хочется разнообразия, но в том-то и дело, что его не хватает» [45]. На учебе время летело гораздо быстрее, бойцы проводили здесь досуг достаточно дифференцированно. Немало времени тратилось на то, чтобы отмыть «фронтовую грязь», привести в порядок свой внешний вид.

Порой события фронтовой повседневности тщательно фиксировались в записных книжках или дневниках с точностью до часов и минут. «Все главные даты, селения, переходы я записывал в походном дневнике, т. е. в 7 книжках за весь период пребывания в Красной Армии в войну, которые сохранились, из этих записей и написаны мои воспоминания о пройденном моем жизненном пути», — пояснял А. И. Кобенко. Впоследствии, сопоставив даты, Кобенко выяснил, что в августе 1942 г. возникла ситуация, когда его ба-

тальон находился в лесу вблизи главного шоссе Майкоп — Туапсе, и в это же время по той же самой дороге бежали от немцев его жена и дочь. Спустя годы он поражался этому факту: «Разве я мог думать, что моя любимая жена Нюся с большим сердцем, моя дорогая дочь Валя шли одной дорогой, разница лишь только в 2—3 дня, когда и я шел рядом с ними, но встретиться и поговорить не могли, я не знал, что с ними, они не знали обо мне... Это — война...» [46].

Неизбежными на фронте оказывались переживания по поводу уходящего времени жизни. Особенно болезненно фронтовики ощущали разлуку со своими маленькими детьми, которые подрастали без них. Уже через два месяца после ухода на фронт В. Сырцылин испытывал трудности с тем, чтобы представить себе оставленную в полугодовалом возрасте дочку: «Она, небось, уже большая... Я часто думаю о ней, стараюсь представить ее себе такой, какой она выглядит сейчас, но это плохо получается, даже при богатой фантазии». В 1945 г., когда такие попытки уже потеряли всякий смысл, грустил: «Олька уже большая, сама пишет — пропал самый интересный для меня возраст» [47].

Подобные мысли о безвозвратно потерянном времени посещали и танкиста Федора Алексанкина, когда он думал о своем младшем брате. Федор писал матери: «Если бы Вы только знали, как я соскучился за Вами и Аликом, ведь у него сейчас самый интересный возраст. Когда он все хочет знать и всему подражать, что конечно очень смешно. Милая мамочка, как быстро прошло детство, как быстро прошли минуты детского счастья, время юности и наступило время, когда приходится задумываться так часто, и разрешать все вопросы самому» [48]. Обращает на себя внимание, как часто в письмах к близким фронтовики упоминают понятие минуты. Они подчеркивают, что думают о родных «ежеминутно», «ни на минуту» в них не сомневаются, именно ради них «ежеминутно льется кровь». Очевидно, что цена мига, минуты приобретала совершенно иное значение. В Сырцылин писал: «Как бы хотелось, чтобы одним глазком взглянуть на дочурку, а потом хоть снова на два года на фронт» [49].

Однообразие фронтовых будней пережалось редкими праздниками, которые можно разделить на несколько групп. Первую составляли государственные

праздники, среди которых главными по своему статусу являлись 1 Мая — День международной солидарности трудящихся и 7 Ноября — годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Затем шли 23 Февраля — день рождения Красной Армии и 8 Марта — Международный женский день. Утвердившись в советской праздничной культуре с 1920-х гг., они вполне естественно воспринимались в таком качестве большинством представителей фронтового поколения. Впрочем, в связи с войной праздновать их приходилось и в необычной обстановке. Например, генералу П. Л. Печерица в 1945 г. довелось отмечать один из праздников в кругу американцев, англичан и «других наций», где он наблюдал непривычные для советского человека церемонии (в частности, целование рук дамам) и даже вступил в дискуссию по поводу равноправия мужчин и женщин. С этого торжественного приема он, кстати, вынес мысль, что и советским «правительственным деятелям» следует организовывать «приемные дни» для поднятия общественного значения женщин [50].

С 1936 г. в СССР стал отмечаться Новый год, ставший одним из любимых праздников советских граждан. Даже фронтовики умудрялись находить возможности наряжать праздничные новогодние елки и поднимать кружки с «наркомовской» водкой, а отдельные штабные работники, имевшие значительно лучшие возможности для удовлетворения различных потребностей, — порой и бокалы с шампанским. «Я встречал Новый год в кругу своих товарищей, и сравнительно весело. Впрочем, солдатская среда всегда отличалась этой веселостью. Да иначе и невозможно. В противном случае, было бы трудно каждому с его личными переживаниями, радостями и горестями», — сообщал матери В. И. Александров [51].

С другой стороны, на передовой всегда сохранялась возможность «отметить» новогоднее торжество в бою. Готовясь встретить 1943 г. в землянке в кругу товарищей («ворошиловские 100 грамм», «свининка» на закуску, чай и рассказы друг другу былей и небылиц), В. Сырцылин предполагал и такое развитие событий. И тогда — «кто больше фрицев поганых убьет — у того и праздник». Зато 1945 г. он встретил на польской земле и совсем иначе. По этому поводу каялся жене: «...грешен — гульнул впервые за 4 года во всю ширь русской

души — начал пить в 8 вечера и только в 9½ утра кое-как добрал до кровати, так болели ноги от пляски, и трещала голова от “бимбера” (по-польски “самогон”)» [52].

Вторую группу составляли религиозные праздники, особенно Пасха и Рождество, несмотря на весь размах атеистической работы, сохранявшие свое значение для людей старшего возраста, а также части выходцев из сельской местности. Отмечать их в отличие от праздников первой группы было гораздо сложнее, и в письмах с фронта они упоминаются реже.

Третья группа — это дни рождения и именины, годовщина создания семьи и другие наиболее значимые события личной и семейной жизни. Помня о них, фронтовики тем самым подчеркивали, что даже в самые сложные для себя моменты стремятся сохранить связь со своими близкими и родными. «Поздравляю тебя с днем десятилетия совместной жизни и желаю, чтобы и в дальнейшем мы жили дружно и хорошо, если все окончится благополучно», — писал жене в ноябре 1942 г. А. В. Дортгольц [53]. Порой дни рождения и именины отмечались в отсутствии именинников: «3-го марта, в день твоих именин, нам всем было очень неважно, весь вечер просидели все вместе и проговорили о тебе. Это был вечер воспоминаний о тебе, не обошлось, конечно, без пролития слез. За обедом выпили за твоё здоровье и благополучие» [54]. Сами участники войны в пылу боев нередко могли забыть о собственных днях рождения, как это случилось и с штурманом У-2 О. Т. Голубевой-Терес, отметившей свою 19-ю годовщину в воздухе. Однако фронтовые подруги встретили ее возвращение с музыкой и пирожными, которые специально приготовил в ее честь 24-летний повар «дядя Толя» [55].

Собственный день рождения порой воспринимался как повод для анализа пройденного жизненного пути. Генерала П. Л. Печерицу такие мысли одолевали в день 40-летия, тем более, что именно в этот день в него «чуть не угодила мина, упавшая в 12 метрах, но не разорвавшаяся». В письме жене он особенно подчеркивал, как ему дороги годы супружеской жизни, прожитые «плохо ли хорошо — но вместе!!» [56]. Неоднократно об этом же высказывался в письмах домой и гвардии старшина В. Сырцылин. А в день своего 34-летия размышлял: «Сколько прожито! Сегодня оглядываюсь назад, смотрю вдаль

и вижу вереницу прожитых дней. Много плохого и хорошего, а в общем все в порядке, они — эти годы — прожиты неплохо, с пользой, если не для себя, так для других. Особенно неплохи последние три года, много давшие мне, и я много дал тому, что мы называем одним словом — Родина» [57].

Праздничными событиями личного значения являлись и награждения бойцов и командиров орденами и медалями. Поэт и журналист, а в годы войны младший лейтенант и сотрудник редакции дивизионной газеты Я. И. Зильберман писал: «Я не буду играть в безразличие — это глупо и потом — никто не поверит. Награждение орденом — большое событие в жизни каждого человека, особенно военнослужащего. О первом ордене офицеры вспоминают нежно и красиво, как о первой любви» [58]. Редкие в начале войны, к ее окончанию награждения приобрели систематический характер, не всегда, впрочем, отражая действительный вклад того или иного военнослужащего в достижение победы. Порой обязательными условиями для награждений становились спускавшаяся «сверху» разнарядка и хорошие отношения с командиром [59]. В целом же соотношение на войне будней и праздников достаточно четко отражают слова И. И. Левина: «Коротки фронтовые праздники и бесконечны будни» [60].

Таким образом, фронтовое «настоящее», казавшееся аномалией в период привыкания к военной жизни, с течением времени обретало черты «нормальности» и иногда даже возникало ощущение, что «лучшего не нужно». Нередки были случаи, когда фронтовики не стремились в отпуск, так как понимали, что на дорогу уйдет большая его часть.

Тема будущего занимала значительное место в раздумьях фронтовиков. Будущим должна была стать жизнь после войны. Советские граждане верили и надеялись, что окончание войны неминуемо приведет к улучшению их жизни. При этом сами мечты о будущем редко содержали конкретные «рецепты» преобразований: оно просто не могло не быть лучше, чем время войны. Как писал Ф. Алексанкин матери уже из Германии: «...терпеть осталось недолго, а там счастливая жизнь и радость» [61]. Впрочем, общая усталость от войны, подорванное здоровье, невеселые письма из дома оказывали свое влияние на размышления о будущем, в которых

оптимизм причудливо сочетался с пессимизмом. Как писал В. Сырцылин в 1945 г.: «Живу только мыслями о будущем, которое для меня не особенно блестит грезами и совсем не великое. Я не говорю таких глупостей, что окочурюсь через пять лет, но я такая развалина, что мне нужно бурно и быстро прожить свой остаток». Ощущение преждевременно наступившей старости не покидало его, как и многих других участников войны. В возрасте 34 лет видел себя без прикрас: «Гляжу в зеркало — старая противная рожа: в морщинах, с изрядной сединой и какое-то злое! Почему так — не знаю, наверное, отпечаток пережитого». Чтобы доказать товарищам по службе, что когда-то «тоже был человеком», просил выслать из дома довоенную фотографию. Кроме того, искренне признавался жене, что четыре года разлуки сгладили из памяти черты ее лица [62].

Время войны — как длительный, полный лишений период жизни — способно было кардинально влиять на взаимоотношения людей. В одних случаях оно содействовало налаживанию или укреплению отношений, в других — их разрушению, болезненным разочарованиям. Б. Д. Орешников, являвшийся редактором многотиражной заводской газеты в Казани, и в годы войны вел переписку с десятками фронтовиков, выслушивая от многих слова признательности и заверения в дружбе. В письме от Виктора Аристова они звучали так: «Родной Борис! За время войны ты стал не только другом, но и моим родным, кровно родным братом» [63].

В целом письма и воспоминания участников Великой Отечественной войны зафиксировали личностный опыт восприятия и переживания ими времени как важнейшей категории, определяющей существование человека в мире. Этот опыт по-своему уникален и в то же время отражает некоторые закономерности: война способствовала созданию объективных условий для выработки общих представлений о времени у фронтовиков как представителей определенной социальной общности. При этом физическое время имело значение для участников войны только в контексте происходивших событий и их собственных переживаний, приобретая социальное и личностное измерение. В совокупности обращение к рассматриваемой проблеме

позволяет существенно дополнить наши представления не только о войне как о новой реальности, создававшей

собственные тексты со своими кодами их дешифровки и интерпретации, но и о духовном облике ее участников.

Примечания

1. Сенявская Е. С. Пространство и время в восприятии человека на войне: экзистенциальный опыт участников боевых действий // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М.: РОССПЭН, 2006. С. 152–161.
2. Жукова Л. В. Путь на войну. (Проблема трансформации сознательного восприятия пространства и времени участниками Русско-японской войны 1904–1905 гг.) // Там же. С. 162–170.
3. Письма Великой Отечественной (из фондов ГУ «ЦДНИТО»): Сб. док. Тамбов: [б.и.], 2005. С. 148.
4. Письма с фронта. 1941–1945 гг. Краснодар: Кн. изд-во, 1983. С. 56.
5. Государственное учреждение «Центр документации новейшей истории Краснодарского края» (далее — ЦДНИКК). Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 74.
6. Там же. Л. 15.
7. Государственное учреждение «Государственный архив Краснодарского края» (далее — ГАКК). Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 74. Л. 25.
8. Государственное учреждение «Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (далее — ЦГА ИПД РТ). Ф. 8288. Оп. 1. Д. 14. Л. 17.
9. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 39 об.
10. ЦГА ИПД РТ. Ф. 8288. Оп. 1. Д. 14. Л. 19.
11. Там же. Л. 19 об.
12. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 15.
13. Симонов К. М. Живые и мертвые: Роман. В 3 кн. Кн. 2. Солдатами не рождаются. М.: Правда, 1989. С. 235.
14. Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М.: Звонница-МГ, 2000. С. 366.
15. Голубева-Терес О. Т. Ночные рейды советских летчиц. Из летной книжки штурмана У-2, 1941–1945. М.: ЗАО «Центрополиграф», 2009. С. 252.
16. ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 67. Л. 185.
17. Симонов К. М. Разные дни войны. Дневник писателя. Т. 1. 1941 год. М.: Известия, 1981. С. 505.
18. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1230. Л. 2 об.
19. ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 67. Л. 2.
20. ЦГА ИПД РТ. Ф. 8288. Оп. 1. Д. 14. Л. 24.
21. Симонов К. М. Разные дни войны... С. 97, 109, 179, 186.
22. Кондратьев В. Не только о своем поколении // Коммунист. 1990. № 7. С. 123.
23. Кочетова В. И. Мы были дружной семьей // Человеческие документы войны. Воспоминания. Письма. Стихотворения. Статьи. Курск, 1998. С. 311.
24. Левин И. И. Записки военного переводчика. 2-е изд. М., 1986. С. 9.
25. ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 67. Л. 122.
26. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1186. Л. 21.
27. Там же. Д. 1234. Л. 63, 30.
28. Воспоминания Н. А. Тупыленко, 1923 г.р., записаны Е. Ф. Кричко в Майкопе 5 ноября 2001 г.
29. Симонов К. М. Разные дни войны... С. 298.
30. ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 67. Л. 15.
31. Сохрани мои письма... Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. М.: Центр и Фонд Холокост; МИК, 2007. С. 83.
32. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 74, 59.
33. ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 67. Л. 17.
34. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 29.
35. ЦГА ИПД РТ. Ф. 8288. Оп. 1. Д. 14. Л. 17 об.
36. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 100, 89.
37. Травина А. С., Ласочко Л. С. Письма-воспоминания о Курской битве (по материалам Государственного архива Курской области) // Человеческие документы войны... С. 226.
38. Письма с фронта. 1941–1945 гг. С. 47.
39. Гроссман В. Жизнь и судьба. М.: Книжная палата, 1988. С. 43–44.
40. Алексиевич С. У войны не женское лицо... Документальная проза. М.: Правда, 1988. С. 163.
41. Соколов Б. Н. В плену. СПб.: Галей-принт, 2000. С. 9.
42. Сохрани мои письма... С. 118.
43. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1214. Л. 10, 23 об–24.
44. Там же. Д. 1234. Л. 4 об., 92 об.

45. Письма Великой Отечественной (из фондов ГУ «ЦДНИТО»). С. 156–157.
46. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 50 об.
47. Там же. Л. 31. 45 об., 78 об., 6–7 об.
48. ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 67. Л. 10.
49. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 18 об.
50. ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 74. Л. 75.
51. Письма с фронта. 1941–1945 гг. С. 108.
52. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 19 об, 91.
53. Там же. С. 56.
54. Письма Великой Отечественной (из фондов ГУ «ЦДНИТО»). С. 238.
55. Голубева-Терес О. Т. Указ. соч. С. 53, 59.
56. ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 74. Л. 38.
57. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 73.
58. Сохрани мои письма... С. 78.
59. Лебединцев А. З. Мухин Ю. И. Отцы-командиры. М.: Яуза, 2004. С. 459–478.
60. Левин И. И. Указ. соч. С. 115
61. ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 67. Л. 14.
62. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1234. Л. 72 об., 73, 89, 90.
63. ЦГАИПД РГ. Ф. Р-2157. Оп. 8. Д. 34. Л. 15.

Сведения об авторах:

Кринко Евгений Федорович,
д-р ист. наук, зав. лабораторией
истории и этнографии
ЮНЦ РАН (Ростов-на-Дону).
E-mail: krinko@mmbi.krinc.ru.

Тажиудинова Ирина Геннадьевна,
канд. ист. наук, доц. кафедры социологии
КубГУ (Краснодар).

